

МЕЖДУ ВРЕМЕНЕМ И ВЕЧНОСТЬЮ: ИСТОРИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ АВТОРОВ РАННИХ ДЕМОНОЛОГИЧЕСКИХ ТРАКТАТОВ

Поскольку центральной темой корпуса демонологической литературы является злонамеренное колдовство (*maleficium*), история в рамках данного направления интеллектуальной культуры раннего Нового времени осмысливается опосредованно, но занимает немаловажное место. В ней видели либо источник достоверных сведений о сущности проблемы (Ульрих Молитор, *De laniis et phitonices mulieribus*), либо – свидетельство уникальности «новых времен» (*modernis temporibus*) и масштаба ранее неведомого бедствия (Генрих Инститорис, *Malleus Maleficarum*). Таким образом, история оказывается неотъемлемой частью рефлексии наиболее злободневных социальных проблем.

Ключевые слова: демонология, злонамеренное колдовство (*maleficium*), «Молот ведьм» (*Malleus Maleficarum*), история, интеллектуальная культура.

Проблема специфического отношения текста к историческому времени не нова и уже неоднократно ставилась на материале памятников средневековой культуры¹. Применительно к сочинениям по демонологии в историографии было предпринято, по меньшей мере, две попытки прояснить этот вопрос. Первая из них принадлежит С. Кларку, обозначившему проблему интерпретаций концепты злонамеренного колдовства (*maleficium*) применительно к общему восприятию современниками истории преследований ведьм. В своем исследовании он отмечает, что авторы демонологических трактатов, задаваясь вопросом о причинах появления *maleficia*, искали объяснения тому, что сами оказались свидетелями периода наиболее бурного развития данного явления². Автором второй является

¹ Гене Б. 2002, Зюмтор. П. 2003, Ле Гофф Ж. 2001, Гуревич А.Я. 1999б.

² Clark S. 2005, 315.

П.Дж. Максвелл-Стюарт, который, анализируя особенности восприятия времени в трактатах против ведьм, отмечал, что их специфика подразумевала весьма своеобразное отношение к истории, присутствовавшей не как хронологический обзор, но как серия *exempla*, «примеров», вынесенных из прошлого для того, чтобы убедить в вечной истине: Сатана испытывает собственную власть в каждую из эпох, включая нынешнюю³.

В отечественной медиевистике разработка этой проблемы развивалось под сильным влиянием идей М.М. Бахтина, согласно которым пространственные и временные отношения в средневековой литературе представляли собой нерасторжимое единство (континуум), в каждом конкретном памятнике их специфическая комбинация характеризуется понятием «хронотоп»⁴.

Принимая во внимание специфические особенности демонологических сочинений, а именно – тяготение к сферам теологии и юриспруденции, мы, тем не менее, считаем целесообразным обозначить проблему пространственно-временного континуума *Malleus Maleficarum* и *De Laniis et Phitonicis Mulieribus*. Философский *background*, ориентация на уже установленные вечные истины – все это влечет за собой «размытость», неопределенность хронологических ориентиров, однако оба интересующих нас трактата рассматривают злонамеренное колдовство (*maleficium*), исключив его из круга аналогичных явлений, но в исторической перспективе. Последнее обстоятельство делает возможным реконструкцию хронотопа демонологических трактатов; это имеет для нас принципиальное значение, поскольку «Молот ведьм» и «Трактат о ланиях и женах-прорицательницах» относятся к ранним текстам, существенно повлиявшим на дальнейшее развитие данного вида литературы позднего Средневековья – раннего Нового времени.

³ Maxwell-Stuart P. G. 2007, 15.

⁴ См.: Гуревич А.Я. 1999а, 51.

Вместе с тем необходимо уточнить границы понятия «история» применительно к сочинениям по демонологии. Речь ни в коем случае не идет о попытках некоего теоретического осмысления исторического процесса и сам он не является предметом описания; авторов «Молота ведьм» и «Трактата о ланиях и женах-прорицательницах» интересует прошлое как возможный источник информации о феноменах, аналогичных злонамеренному колдовству. Обращаясь к этому вопросу, демонологи не пытаются описать историю явления, его развития во времени, но, скорее, выстраивают некий типологический ряд, основываясь на известных им аналогиях. Необходимые для подобной интерпретации сведения они черпают из письменных свидетельств, кажущихся им достоверными. Подобная установка нашла свое выражение в терминологии – в интересующих нас текстах отсутствуют упоминания *narratio rei gestae*, традиционного для средневековой книжности со времен Исидора Севильского определения исторического повествования⁵. Это понятие проблематизируется – такого рода рассказы требуют к себе особого внимания: Якоб Шпренгер и Генрих Инститорс констатируют, что «то, чему учит опыт, история рассеивает» (*hoc quod experientia iam edocuit, historia disseruit*)⁶, Ульрих Молитор вкладывает в уста своего персонажа сокрушенное восклицание: «Мне привели столько историй и авторитетных суждений, что я не знаю даже к которому обратиться...» (*Tantis historijs & auctoritatibus me impellis, vt ne sciam quorū me vertam/du erscheineſt mit ſo vil hīſtorien vnd ſprüchen damit ich nit wayß zū welcher mainung ich mich naigen ſole*). Это настороженное отношение к историческим свидетельствам весьма вычурно оттеняет мысль известного историка средневековой литературы: «Текст

⁵ Гене Б. 2002, 21.

⁶ *Henricus Institoris O. P. and Jacobus Sprenger O. P* 2006416

представляет собой горизонтальный срез целого пучка вертикальных линий истории»⁷.

Пространственно-временной континуум интересующих нас текстов характеризуется сочетанием двух уровней структурирования – а) *прямого, или внутреннего*, позволяющего охарактеризовать рассматриваемого явление (*maleficium*) в логике повествования самого текста, и б) *косвенного, или внешнего*, предполагающего отсылку к иным текстам, не имеющим прямого отношения к предмету описания⁸. Учитывая неоднородность хронологической структуры, ее составляющие целесообразно описывать при помощи понятий «контур» или «горизонт», которые будут обозначать принадлежность конкретных элементов к одному из указанных уровней текста. Таким образом, мы можем построить формализованную модель хронотопа демонологического трактата:

- *внутренний контур, или горизонт*, задается логикой повествования посредством хронологических вех, характеризующих злонамеренное колдовство, как нечто, имеющее, хоть и насыщенную, но сравнительно недавнюю историю. К таковым относятся *хронологические ориентиры* (прямые упоминания конкретных событий, связанных с ведовством в данном регионе) и *обособленные семантические элементы* (в «Молоте ведьм» таковыми выступают «примеры» (*exempla/experientia*), а в сочинении Ульриха Молитора – персонажи, которые идентифицируются с конкретными историческими личностями). *Функциональное назначение* – идентификация предмета описания во времени и пространстве.

⁷ Зюмтор П. 2003, 26.

⁸ Ср.: «Начиная с XII века межтекстовые обмены (подражание, воспроизведение) совершаются постоянно; более того, по мере приближения к Новому времени этот феномен приобретает все более важное значение: в новые произведения попросту вводятся обширные фрагменты других текстов, иногда гораздо более ранних» (Зюмтор П. 2003, 21).

- *внешний контур*, или *горизонт*, функционирует посредством *структурированного контекстного мышления*, при котором описываемое явление и сопутствующие ему события соотносятся с реальностями, зафиксированными в других текстах. Наиболее наглядно это выражается в постоянном упоминании схоластических авторитетов, мнения которых выступают важным аргументом в пользу правоты автора в рассматриваемом вопросе. *Функциональное назначение* – интеграция собственных построений в существующую картину мира, зафиксированную в корпусе ранее созданных текстов.

Здесь мы должны подвести предварительный итог теоретическому обоснованию и перейти от модели к анализу материала, данного нам в текстах интересующих нас трактатов. Как мы сможем убедиться ниже, пространственно-временной континуум *Malleus Maleficarum* и *De Laniis et Phitonices Mulieribus* задается сочетанием двух уровней организации элементов повествования; это проявляется в том, что помимо обращения к непосредственному прошлому авторы обоих сочинений в своих построениях допускают временные коннотации, опосредованные заимствованиями из других текстов. По нашему мнению, именно сочетание этих двух уровней в конкретном тексте позволяет выявить особенности авторского миропонимания.

В *Malleus Maleficarum* присутствуют *хронологические вехи* в виде упоминаний конкретных событий, связанных с ведовством в данном регионе – таковыми являются сведения о деятельности «нашего товарища, инквизитора из Комо» (*socius noster inquisitor Cumanus*) в близлежащем «графстве Бурбия» (*Comitatus Burbie*). Результат (по словам авторов «Молота ведьм») оказался выдающимся: данный инквизитор «предал огню сорок одну ведьму» (*40. et vnam Maleficam igni tradidit*), в то время как «остальные спаслись бегством в землях эрцгерцога Австрийского Сигизмунда» (*certis alijs ad D. Ar-*

chiducem Austriæ Sigismundum fugam capientibus)⁹. По всей видимости, это выглядело большим достижением, поскольку авторы *Malleus Maleficarum* еще дважды на протяжении трактата возвращаются к этому эпизоду – во второй (vno anno xl (quadraginta) et vnam maleficas (maleficam) incinerari fecit)¹⁰ и четвертой (socius noster inquisitor Cumanus in comitatu Burbie peregit, qui et in spacio vnus anni, qui fuit millesimusquadringentesimusoctuagesimusquintus (у Бассея числительное дано с разбивкой на отдельные слова), xl (quadraginta) et vnam maleficas (maleficam) comburi fecit)¹¹ главах первого вопроса второй части. В последнем случае источник подчеркивает, что сожжения имели место в течении одного года и указывает его – 1485. Это обстоятельство выглядит особенно примечательным, поскольку такая точность в деталях (или, скорее, претензия на таковую)¹² не отвечает хронологической концепции сочинения, в рамках которой авторы стремились избежать конкретики.

Хронологические вехи в трактате Ульриха Молитора не даны явно, но завуалированы посредством форм придворного этикета – нам известен адресат авторских изысканий, которым выступает вполне конкретный правитель дома Габсбургов, и читатель догадывается, что сама проблема ставится как результат запроса монарха. В Послании к эрцгерцогу Сигизмунду автор сочинения

⁹ *Henricus Institoris O. P., Jacobus Sprenger O. P.* 2006, 330-331.

¹⁰ *Ibid.* P. 395

¹¹ *Ibid.* P.416-417

¹² Новейшие исследования показывают, что это утверждение не соответствует действительности – к упомянутому 1485 г. относится сожжение пяти женщин инквизитором братом Джироламо, а также ранее, в ходе ведовских процессов 1483-1484 гг. под руководством брата инквизитора Агостино, было сожжено еще 14 человек (*Decker R.* 2008, 55). Остается неясным, какой из этих эпизодов упоминается Генрихом Инститорисом и Якобом Шпренгером и, кто из инквизиторов подразумевается под фразой *socius noster*, однако даже если брать суммарное исчисление, получается, что число оказалось завышенным более чем в два раза.

пишет, что «напасть неких ланий и жён-заклинательниц» (*peftis quarundam laniarum et incantatricum mulierum/ ain gebrest etlicher bößer verkerter weiber die man die hexen oder vnholden nennet*), поразила землю его Превосходительства «в предшествующие годы» (*cum superioribus annis... terre tue excellentie /in vergangen zeitten in dein fürstliche land*). За этими словесными изысками вполне очевидно выстраивается хронологическая канва сочинения, поскольку «предшествующие годы» недвусмысленно относятся ко времени правления его Превосходительства Сигизмунда Габсбурга¹³.

Обособленные семантические элементы присутствуют в «Молоте ведьм» в виде корпуса «примеров», который представляет собой неоднородное множество, где под *exempla* понимается широкий спектр нарративов, подтверждающих правильность концепции злонамеренного колдовства: к ним могли относиться как фрагменты житийной литературы, так и собственный опыт. Для обозначения последних авторы *Malleus Maleficarum* использовали слово *experientia*, то есть, сведения, полученные с соблюдением правильной процедуры дознания¹⁴.

¹³ Наиболее ранний известный эпизод, связанный с ведовством в данном регионе имел место накануне Великого Поста 1457 г., о чем поведал в своей проповеди Николай Кузанский, занимавший в то время пост епископа Бриксена (*Behringer W.* 2007, 32.; *Гинзбург К.* 1993, 29-40). Существуют разрозненные свидетельства относительно вовлеченности эрцгерцога Сигизмунда в ведовские процессы – его интерес к этой проблеме выдает переписка с мэром Равенсбурга, а также ограниченное преследование ведьм в ходе Ландтага 1487 г., когда бывшая любовница Сигизмунда – Анна Шписс (*Anna Spiess*) оказалась одержимой демонами (*Wilson E.* 1996, 92.).

¹⁴ *Et quia in morali iam laboramus materia, vnde argumentis varijs et declarationibus vbique insistere opus non est, cum ea que per capitula sequuntur sint per precedentes questiones sufficienter discussa, ideo precamur in deo lectorem, ne demonstrationem omnibus querat, vbi accomodata sufficit probabilitas ea deducendo que constant aut visus vel auditus propria experientia aut fidedignorum*

На уровне терминологии мы сталкиваемся с частым использованием терминологии, традиционной для обозначения магических практик (*maleficium*, *perfidia*, *superstitio*), с уточнениями, включающими в себя характеристику того или иного явления через определение *modernus/moderna/moderni* – «новые ведьмы», «новые времена» и т. п. Так, глава первая первой части содержит рассуждения относительно специфической возможности *moderni malefici*, «новых колдунов» к произвольному изменению собственного облика к ним могли относиться как фрагменты житийной литературы, так и собственный опыт. Для обозначения последних авторы *Malleus Maleficarum* использовали слово *experientia* «сами себя превращают с помощью демонов в волков и прочих животных» (*sepius opere demonum transformantur in lupos et alias bestias*)¹⁵. Упоминание «новых времен» (*modernis temporibus*) появлялось в тексте там, где оказывалось необходимым уточнить, что сие неверие (*hec perfidia*) сильнее распространилось среди женщин, нежели среди мужчин (*amplius in mulieribus quam in viris inuenitur*)¹⁶. Наконец, «бедствия, совершаемые новыми колдунами» (*mala que a modernis maleficis perpetruntur*) превосходили все прочее зло, когда-либо допускавшееся Богом¹⁷.

Подобный эффект, допускавший присутствие «времени рассказчика, настаивающего на актуальности историй, составляющих *exempla*, находившего выраже-

relatibus esse vera (*Henricus Institoris O. P. and Jacobus Sprenger O. P.* 2006, 377).

¹⁵*Tertium etiam sane intelligere expedit, cum moderni Malefici sepius opere demonum transformantur in lupos et alias bestias* (*Henricus Institoris O. P. and Jacobus Sprenger O. P.* 2006, 225).

¹⁶*Sed quia adhuc modernis temporibus hec perfidia amplius in mulieribus quam in viris inuenitur, vt ipsa experientia docet, curiosius causam inuestigando vltra premissa dicere possumus: quod in omnibus viribus tam anime quam corporis cum sint defectuose, non mirum si plura maleficia, in eos quos emulantur fieri procurant* (*Henricus Institoris O. P. and Jacobus Sprenger O. P.* 2006, 285-286).

¹⁷*Henricus Institoris O. P. and Jacobus Sprenger O. P.* 2006, 348.

ние во «временном упоре на недавнее прошлое», имеет место уже в сборниках XIII в.¹⁸ Как отмечает А. Я Гуревич, «событие, в особенности свежее, имевшее место где-то неподалёку – излюбленный и, без сомнения, наиболее эффективный сюжет “примера” в пропове-ди»¹⁹. Вместе с тем, в случае «классических» *exempla*, наблюдается «тяготение к некоторой хронологической неопределенности» (Ж.К. Шмитт), которая предполагает, что для «примера» одинаково важно называть свои источники, определяя их время и место (этим доказыва-ется истинность рассказа), и в то же время избегать кон-кретики в отношении персонажей, места и времени со-бытий, так как он рассчитан на максимально широкую публику²⁰. Это явление возникает как следствие дидак-тического назначения данного типа нарратива – детали-зация неизбежно сужает их применимость в качестве универсального урока. В случае с «Молотом ведьм» эта амбивалентная тенденция во многом утрачивала двой-ственность в пользу большей актуализации, поскольку общая концепция трактата настаивала на том, что зло-намеренное колдовство – это нечто, данное в непосред-ственном эмпирическом опыте; таковой данностью яв-ляются, прежде всего, признания ведьм, полученные в ходе инквизиционного дознания и включенные в текст трактата под обозначением *experientia*.

*Experientia docet*²¹, *experientia nos sepe docuit*²² – формулировки такого рода в тексте трактата предваряли

¹⁸ *Ле Гофф Ж.* 2001, 131-132.

¹⁹ *Гуревич А. Я.* 2006, 372.

²⁰ *Шмитт Ж.К.* 2010, 300.

²¹ Данная фраза появляется в шестой главе первой части «Мо-лота ведьм», где речь идет о том, что *непосредственный опыт* инквизиторов свидетельствует о том, что среди женщин зло-намеренное колдовство распространено более, нежели среди мужчин *в нынешние времена*: «Sed quia adhuc modernis tempo-ribus hec perfidia amplius in mulieribus quam in viris inuenitur, vt ipsa experientia docet, curiosius causam inuestigando vltra premis-sa dicere possumus: quod in omnibus viribus tam anime quam

ссылки на судебную практику, которая со всей очевидностью должна была разрушить аргументацию скептиков. Подобная логическая конструкция позволяла вводить в текст трактата значительные фрагменты нарративов, претендующих на то, чтобы считаться сведениями, полученными, что называется, «из первых уст», и к тому же (если речь шла о признаниях, сделанных в ходе судебной процедуры), обладающими статусом показаний, оформленных *de jure*. Именно личный опыт дознавателя позволял объяснить исчерпывающим образом, что из себя представляет злонамеренное колдовство посредством *facta et dicta maleficarum*. *Experientia* оказали существенное влияние на оформление хронотопа «Молота ведьм», поскольку наполнили теоретические построения относительно злонамеренного колдовства наиболее яркими и живыми свидетельствами реальности *maleficia*, относящимися к обозримому хронологическому периоду, близкому большинству потенциальных читателей первых изданий трактата.

Своеобразие сочинения Молитора также проявляется на уровне *обособленных семантических элементов*, которыми в данном сочинении выступают персонажи, которые были лицами историческими, знакомыми более чем хорошо современникам. Это обстоятельство заставляет нас обратиться к мнению Л.М. Баткина, который отмечал, что ренессансные диалоги писались либо вслед действительно происходившим спорам, либо придумы-

corporis cum sint defectuose, non mirum si plura maleficia, in eos quos emulantur fieri procurant» (*Henricus Institoris O. P.* and *Jacobus Sprenger O. P.* 2006, 121-122.).

²² Наверное, наиболее колоритная характеристика понятия *experientia* содержится во второй главе первого вопроса второй части *Malleus Maleficarum* – *опыт* инквизиторов основан на *признаниях* тех, кого они сжигали: «*Experientia nos sepe docuit, cum omnes quas incinerari fecimus ex earum confessionibus patuit, ipsas fuisse inuoluntarias circa maleficia inferenda*» (*Ibid.*, 400).

вались начисто; однако их неотъемлемой чертой было то, что их участниками были не аллегорические фигуры, а индивидуально определённые, реальные люди, хорошо всем известные в кругу, к которому принадлежал и сам автор²³. В нашем условии присутствуют обе составляющие – у нас есть прецедент (ведовские процессы, реально имевшие место в Тироле), и в качестве персонажей присутствуют реальные исторические лица²⁴.

Таковыми являются три действующих лица диалога – уже упомянутый Сигизмунд Тирольский Габсбург, собственно Ульрих Молитор и бургомистр Констанца Конрад Шатц.

Роль эрцгерцога как персонажа в пространстве текста демонологического трактата сводилась к актуализации проблемы: вопросы относительно сущности злонамеренного колдовства задаются от лица реально существовавшего и хорошо известного современникам правителя.

Включение светского государя в качестве одного из персонажей демонологического сочинения, является уникальной чертой трактата Ульриха Молитора. Мы

²³Баткин Л.М. 1976, 175.

²⁴ Эта особенность «Трактата о ланиях и жёнах-прорицательницах» становится ещё более очевидной при сравнении его с прочими демонологическими сочинениями. Трактат доминиканца Иоганна Нидера Formicarius также использует форму диалога, но персонажи его существенно отличаются. Это практически абстрактные фигуры, одна из которых названа Богословом (Theologus), другая носит имя Piger, – здесь очевидно эксплуатируется традиционная форма назидательного сочинения, где в тексте попеременно появляются задающий вопросы «Ученик» и отвечающий на них «Учитель». В сочинении Якова I Стюарта, которое так и называется «Демонология в форме диалога», текст организован как беседа двух абстрактных персонажей – Филомата и Эпистемона. Точно также решил проблему композиции и Ламберт Дано – в его сочинении De Veneficiis также два действующих лица, которые носят имена Теофил и Антоний.

можем констатировать наличие стойкого интереса представителей светской власти к вопросам преследований подозреваемых в колдовстве, который был весьма характерен для европейских монархов раннего Нового времени²⁵. Нечто подобное могло иметь место и в случае Сигизмунда Габсбурга, поскольку среди прочих предполагаемых преступлений, в которых современники подозревали ведьм, присутствовало одно, беспокоившее не столько рядовых обывателей, сколько самого эрцгерцога. Этой проблеме был посвящен восьмой вопрос – «Могут ли заклинательницы и жены прорицательницы с помощью демонов знать секреты...» (*Octauo vtrum incantatrices et phitonices mulieres adiutorio demonum possit secreta fsire*).

Появление в пространстве трактата последних двух персонажей объясняется их большим опытом в расследовании дел, связанных с колдовством и магией, – эта мотивация проявляется постепенно по ходу отдельных глав диалога. Относительно Шатца в «Послании» сообщается: «Так как бургомистр знает признания такого рода жен» (*tanquam pretor huiusmodi mulierum confessiones didicit*)²⁶. Опыт самого Молитора несколько позд-

²⁵ Спустя без малого двадцать лет после написания *De laniis et pithonicis mulieribus* к младшему современнику Молитора Иоанну Тритемию обратятся сразу два светских властителя – курфюрст Иоахим Бранденбургский и император Священной Римской империи германской нации Максимилиан I Габсбург, в результате чего появится сочинение под названием *Liber Octo questionum ad Maximilianum Cefarem* (*Behringer W.* 1997, 74.). В Италии появляется аналогичное по содержанию сочинение Иеронима (Джироламо) Висконти, которое было посвящено герцогу Франческо Сфорца (*Visconti, Girolamo.* 1490).

²⁶ Латинский текст: *Verum quia multa ea de re disputatione digna cum prouido & prestanti viro Conrado schatz huius inclite ciuitatis mee constantien[is] plurium annorum pretore & magistratum gerente viro vtique spectato & facundia florente recensui. qui tanquam pretor huiusmodi mulierum confessiones didicit* (*Molitoris, Ulricus.* 1489). Немецкий текст: *Für den andern cûnraten schazen burger-*

нее, в основном тексте (в латинском тексте – во второй главе, в немецком – в третьей), что он, будучи адвокатом в Констанце в течение восемнадцати лет, постоянно сталкивался в своей практике с подобными делами²⁷.

Помимо этого, на уровне отдельных упоминаний оказываются интегрированными в текст трактата и другие современники – таковыми являются некто Ульрих Бларер²⁸ и епископ констанцский Оттон фон Зонненберг²⁹. Они появляются в тексте от случая к случаю и не составляют организованной системы авторитетов, теряясь среди бесчисленных книжных авторов, которыми оперируют персонажи диалога, что недвусмысленно де-

maister zů costenz als für den der manicherlay historien auß den brunnen daich getrůcken hab auch also gefogen hat. vnd bey dem rechten da dann also sollich verdampfte weiber vmb ir mißtat verurtailt wor denn seiten gefessen ist. (*Molitoris, Ulrich*. 1508).

²⁷ Nam & ego vlricus ad decem & octo annos in curia constantiensī cauſarum fui patronus & aduocatus, prout hodie sum & huiusmodi cauſas frigiditatis & maleficij in practica plures habui, vbi mulieres accusabant coram iudice maritos de impotentia coeundi (*Molitoris, Ulricus*. 1489). Von Hexen..., 3. Nun ist nitt minder dann das ich als ain doctor vnd advocat auff dem korgericht zů costenz (kostenz) bey xviii iaren gewesen bin. vnnd seind mir folcher sachen vil an die hand gestoffen. das ich erkennt hab das die eelichen frawen sich vorgericht erklagten wie ir mann nichtzig möchten. vngeberhaft wären. vnd darumb begerten sich von ynen zů schaiden vnd ynen man zenemen zů erlauben (*Molitoris, Ulrich*. 1508).

²⁸ Латинский текст: Conradum quondam schatz patrem nostri con-disputantis [y Бассея: disputantem]. ac vlricum quondam Blarer nostre ciuitatis pretores. viros rememonitione dignos pro oratoribus habuerunt. (*Molitoris, Ulricus*. 1489). Немецкий текст: Dieses vnſers Cun-raten schatzen vatter. der auch burgermaister do zumal zu costentz was. des gleich vlrich blarer (*Molitoris, Ulrich*. 1508).

²⁹ Латинский текст: Certe quadam vice ea de re cum colendissimo domino ottone ex comitibus de sonnenberg episcopo constantiensī qui etiam multarum rerum cognitionem habet (*Molitoris, Ulricus*. 1489). Немецкий текст: Fürwar auff ain zeit disputiert ich mit dem hoch wirdigen herren herr Otten bischoften zu Costantz, der dann solicher historien vil gelesen hat (*Molitoris, Ulrich*. 1508).

монстрирует приоритеты создателя «О ланиях и женах-прорицательницах». Весьма показательно, что именно Шатц и Молитор как персонажи выступают в роли экспертов-практиков, хорошо осведомленных о сущности рассматриваемого преступления, и в этом наиболее наглядно проявляется упомянутая выше двойственность позиции Молитора: вся система аргументации *De Laniis et Phitonices Mulieribus* носит исключительно книжный характер и сам автор в «Послании» весьма скептически оценивает познавательный потенциал судебных разбирательств. «Доктор обоих прав из Констанца» всячески стремится подчеркнуть, что проблема сущности злонамеренного колдовства представляет собой значительные трудности для самой процедуры дознания. Следствием того, что «некие жены, подозреваемые в такого рода ереси» (*mulieres de huiusmodi heresi suspecte*), под пыткой рассказали разное (*apudque torturam interrogate. varia responderent.*), стало глубокое сомнение и разброд среди княжеских советников: «Отчего твои советники меж собой разошлись во мнениях об этом предмете, ибо один склонялся к этому, другой к иному, наконец, твоей Снисходительности пришло воспоминание обо мне» (*vnde tuis consulis varia ea de re inter se opinantibus vno quippe in illam. altero nempe in aliam partem declinante. tandem apud tuam clementiam mei memoria incidit*)³⁰.

³⁰ Латинский текст: *Itaque cum nonnullis tuo sub imperio mulieres de huiusmodi heresi suspecte capte forent. apudque torturam interrogate. varia responderent. vnde tuis consulis varia ea de re inter se opinantibus vno quippe in illam. altero nempe in aliam partem declinante. tandem apud tuam clementiam mei memoria incidit. Itaque pro infamia tua auiditate: veritatem cognoscendi. per tue dignationis consules demandatum suscepi. ut quid ego in ea re sentirem. id tue excellentie filii officiosi [у Бассея: stylo officioso] designare non omitterem (Molitoris, Ulricus. 1489).* Немецкий текст: *die auch darumb geuenglich angenommen auß arkwon soligs ketzerlichs lasters gefragt. och allerlay gesagt vnd veriechen haben. Diß dann die gemüt der menschen vast wunderbarlich be-daucht hat. Das auch ettlich deiner gnaden weißen vermainen et-*

Как и в случае с «Молотом ведьм», специфика терминологического аппарата трактата усиливает ощущение относительной новизны рассматриваемого явления – несмотря на активное использование традиционных понятий, таких как *maleficium/malefica*, *incantatrix*, *striga*, центральное место в ранних латинских изданиях занимает слово *lania*, которое в позднейшей редакции исчезает³¹. Причем, необходимо отметить, что *немецкий текст Молитора не имеет отсылки к изолированной латинской терминологии*³². Вместе с тем Молитор соотносит свои построения с латинской терминологией, объясняя в немецком тексте (восьмая глава) сущность демонического воздействия на видимые объекты понятием *prestigium*: (auß obgemelter vrfach so vermügen fy solichs. doch allain mit ainem schein das zu latein prestigium wirt genant). Эффект в данном случае еще более усиливает реплика Сигизмунда *was ist prestigium* – «Что есть *prestigium*?»³³. Последнее обстоятельство выглядит особенно

was daran zû sein vnnd solche weiber vmb ir verschuldigung des tods würdig. Etlicher aber villeicht vermainen die selbigen nichzig solicher böser sachen zû künden vnd vermogen. Vnd sitmals (seidmals) aber ich als der geborsam deiner fürstliche gnaden (genaden) oft gefragt vnnd durh deiner fürstliche gnaden deiner gebeten (*Molitoris, Ulrich. 1508*)

³¹ Наиболее наглядно изменение в терминологическом аппарате проявляется в смене названия – *De Laniis et Phitonicis Mulieribus Teutonice vnholden vel hexen* (1489 г.) и *Tractatvs vtilis et necessarius per viam Dialogi, de Pythonicis mulieribus* (1580 г.).

³² Подобные отсылки были характерны для немецких текстов: так, спустя 20 лет после выхода в свет *De laniis...* в «Новом зеркале мирянина» в главе, посвященной ведьмам, вновь появляется указание на латинскую терминологию – *Wann von den vnholden oder häkßen / im latein phitonisse/oder malefice genennt.* (*Tengler, Ulrich, d. ca. 1511.*)

³³ Примечательно, что в латинской версии трактата присутствуют эти же реплики – Молитор сообщает: *ex caulis supra dictis possunt attamen apparenter & sic prestigijs facere*, а Сигизмунд недоумевает: *Quid nam est prestigium?* (*Molitoris, Ulricus. 1489.*)

курьезно, поскольку в пространстве трактата этот персонаж приводит положения канона *Episcopi*. Не менее показательны особенности словоупотребления немецкого текста по отношению к ближайшим ветхозаветным аналогам – применительно к фараоновым магам Молистор использует понятие *zauberer* («волшебник»), но не *vnchold* или *hex*³⁴. Из этого можно заключить, что злонамеренное колдовство в понимании Молистора в реалиях немецкого языка представляет исходную данность, требующую детальной проработки при помощи всего доступного ученому инструментария.

Помимо непосредственного обращения к прошлому в своих построениях и *Malleus Maleficarum*, и *De Laniis et Phitonicis Mulieribus* допускают и иные временные коннотации, главным из которых выступает *структурированное контекстное мышление*, образующее хронологический горизонт второго уровня или внешний контур хронотопа.

В этом отношении оба «наших» трактата демонстрируют общность подхода, поскольку и доминиканцы, и Молистор очевидным образом стремились включить собственные построения в канву сложившейся книжной традиции. Авторы обоих сочинений обосновывают свои тезисы через отсылку к системе узнаваемых авторитетов, в число которых неизбежно попадают Священное Писание, отцы церкви (прежде всего – Августин) и некоторые популярные богословы (Фома Аквинский, Петр Дамиани). При беглом знакомстве с текстами *Malleus Maleficarum* и *De laniis et pithonicis mulieribus* создается впечатление общности подхода – и для Ульриха Молистора, и для Генриха Инститориса принципиальное значение имели, например, возможные толкования канона *Episcopi* и потому обсуждению этого документа уделялось большое внимание в обоих текстах. Некоторые индивидуальные предпочтения можно выявить уже по количеству упоминаний того или иного общепризнанного авторитета. Так, для Молистора

³⁴ *Molitoris, Ulrich. 1508*

очевидным ориентиром выступали труды Августина, тогда как для авторов «Молота ведьм» характерен, скорее, нейтральный подход с привлечением значительного количества сочинений известных богословов и ученых, среди которых найдется место и Августину, и Фоме Аквинскому, а также Исидору Севильскому, Альберту Великому и многим другим.

Признание авторитета интеллектуальной традиции имеет свое наглядное выражение в виде обширного списка цитируемых сочинений, однако доминиканцы стремятся обозначить *преемственность* собственных взглядов на природу злонамеренного колдовства сложившейся ранее системе представлений о предосудительных с точки зрения Католической церкви магических практиках, тогда как Ульрих Молитор демонстрирует свою приверженность несколько иным ориентирам и, прежде всего, – античности. Вергилий, Апулей, Сократ упоминаются на страницах «О ланиях и женах-прорицательницах» в качестве самодостаточных и значимых авторитетов, свидетельства и суждения которых заслуживают самого пристального внимания – такой подход к проблеме резко контрастировал со способами аргументации, традиционными для демонологической литературы. Вместе с тем, явные *стилистические* предпочтения Ульриха Молитора в отношении классического латинского наследия (наиболее наглядное проявление этого – форма изложения и упомянутое выше внимание к ряду авторов) оказываются в значительной степени нивелированы за счет обильного использования традиционной средневековой литературы, а именно – Священного Писания, агиографии и памятников канонического права. В случае «Молота ведьм» авторская позиция его создателей заключалась в том, что они обязались в своем труде рассматривать все обстоятельства, которые соответствует доводам рассудка и не противоречат «традиционным писаниям» (*que rationi consona, et scripturarum traditionibus non dissona*). В итоге отбор материала, осуществлявшийся по двойному критерию,

привел к появлению парадокса: с одной стороны – обвинительная риторика и её аргументация, унаследованная от Средневековья, с другой – ожесточённая полемика с оппонентами, которые также отстаивали свою позицию аналогичными ссылками на традицию.

Для правильного понимания необходимо учитывать три привходящих обстоятельства, которые ограничивают нас в выборе аналитического инструментария.

Первое из них сводится к несоизмеримости объемов *Malleus Maleficarum* и *De laniis et pithonicis mulieribus* – трактат Молитора в латинских изданиях (немецкие были несколько больше – до 80 страниц в издании 1508 г.), как правило, насчитывал около 50 страниц вместе с гравюрами, то есть по объемам печатного текста уступал «Молоту ведьм» более чем в 10 раз³⁵. Соответственно, упоминаемая Ульрихом Молитором литература попросту теряется на фоне обширного цитирования «Молота ведьм». В этом соотношении скрывается серьезная методологическая проблема, не имеющая простого решения в количественном отношении: если отбросить разницу в объемах текста и соотносить имеющееся количество упоминаний, мы рискуем серьезно занизить интеллектуальный потенциал сочинения Молитора. Если же мы введем некий числовой коэффициент, который должен нивелировать смущающий нас фактор, мы получим диаметрально противоположную картину, где одно упоминание автора в *De laniis et pithonicis mulieribus* будет равнозначно десяти упоминаниям в *Malleus Maleficarum*, поскольку большинство сочинений в обоих текстах упоминается в среднем один – два раза.

Второе обстоятельство – это способ подачи материала, значительно различавшийся в интересующих нас текстах. Для автора *De laniis et pithonicis mulieribus* ха-

³⁵ Наиболее наглядно это проявляется во франкфуртском издании «Молота ведьм» Николая Бассея, в котором были объединены оба текста. В нем *Malleus Maleficarum* занимает первые 655 страниц, в то время как на *De laniis et pithonicis mulieribus* приходится всего 52 (с 687 по 739) (*Institutoris*, H. 1580).

рактарно падчэркнутое, нарочитае ацэнтраванне вни-
мання на формальнай stronie, што праявлялось в не-
сколькі паверхнасьці цытаваньі, не прадпалагаў-
шам дэталёвага разьлічваньня зьместа таго ііно-
га тэкста ііі эпизода, тагда как Malleus Maleficarum за
рэдка іісклучэньнем стрэміцца к дэталёваму аналізу
каждога новага элемэнта абвіненьня, што зачасьтую прі-
воділа к ўключэньню в структуру павэстваванія значі-
тэльных фрагмэнтаў друіх тэкстаў. Так, в абох трактатах
актывна ііспальзоўвалася аііаграфія, но для Якоба
Шпрэнгера іі Генріха Інститоріса жітійная літэратура
яўлялася прэіде вьсего іісточніком «прімероў», в то
время как Ульріх Молитор, как правіло, іігноріроўва-
шій этот спосаб аргумэнтаціі, стрэмілся ііспальзоўваць
ее без падробнаго перэсказа той ііі ііной іісторыі,
аііраіічывшысь упамінаніем названія в кантэксте за-
яўленнай к абсуджэньню абьей прэблемы.

Іі, наконец, трэцім фактаром яўляецца абьчая
асобэньнасьць цытатнаго мышлэньня Срэдневэкоўья, кото-
рому было глубоко чуждо строгое крітэііскае атношэ-
ніе к абьектам цытаваньня. На дэле это пріводіла к
пояўлэньню значітэльного колічэства неаутэіічных
цытат, непровэрэнных упамінаній іі т.п. Оіінім ііз про-
яўлэііій падобнаго атношэііія стала сітуаціа, прі ко-
торой цытаваньне мнэііія одного аўтора пріозводіцца
посрэдствам цытаваньня другого сочінэііія (в трактате
Молітора ўказаніем на падобнае яўляецца форма *recitat*.
Наібольшэй остроты эта прэблема достііагла в тот мо-
мент, когда абьектом цытаваньня вьступало полемічэ-
скае сочінэіііе іі на страніцы тэкста рэціпіэііта моіілі
папаць сразу два аўторітэтных суждэііія, прічем про-
тыворэчія ііх позіціій моіілі бьць намерэнно сглажэны
прі заіімствованіі. Здэсь жэ стоііт атметіть, то обьста-
тэльство, что Malleus Maleficarum создалася в обьста-
новке крайііеііо дэфіціта вьреіііі, что іііізбеііно сказа-
лось на качэствэ тэкста³⁶.

³⁶ Broedel H. P. 2013, 46.

Принимая во внимание все вышеприведенное, мы считаем целесообразным вычленить отдельные элементы книжной традиции, актуальные в равной степени для обоих сочинений, которые позволят нам выявить специфику авторского отношения к ранее созданным текстам и особенности функционирования их фрагментов в структуре вновь создаваемых сочинений. Для этой цели нам необходимо выявить такие памятники книжности, которые упоминаются и в «Молоте ведьм», и в «Трактате о ланиях и женах-пророчицах», причем, упоминаются систематически, но не эпизодически. Таким образом, речь идет о памятниках книжности, обладавших в рамках Средневековой культуры большим символическим значением – таковыми являются некоторые тексты Священного Писания и канонического права. Для демонологической литературы такими книгами-символами выступала в первом случае Книга Иова, а во втором – так называемый канон *Episcopi*.

Иов выступал прообразом человека, страдающего от происков Сатаны, а его злоключения оказывались одним из самых актуальных библейских образов в контексте *maleficia* – все бедствия, которые он претерпевает, исходят напрямую от Врага рода человеческого, дьявольские козни облекаются в форму ущерба, реально нанесенного хозяйству, семье и лично Иову³⁷.

Обращаясь к этому сюжету, Ульрих Молитор стремится к тому, чтобы найти ответ на вопрос: каким способом дьявол мог вредить Иову (*quomodo igitur poterat diabolus nocere Iob*)³⁸. Автора демонологического трактата интересует «механика» возникновения вреда, и первостепенный интерес у него вызывает спектр возможностей Врага

³⁷ Книга Иова и ее образность во многом послужила основой развития представлений о дьяволе в период раннего христианства – см.: *Рассел Дж. Б.* 2001б, 118, 154.

³⁸ Эта формулировка появляется во второй главе латинского текста трактата, однако по существу вопрос решается несколько ранее в первой главе (*Molitoris, Ulricus.* 1489).

рода человеческого³⁹. De Laniis et Phitonicis Mulieribus полностью игнорирует факт отсутствия прямых упоминаний ведьм в книге Иова – воспринимая описанную в Священном Писании ситуацию в качестве прообраза, он отказывается от буквального ее толкования.

Авторы *Malleus Maleficarum* также не обошли вниманием данный сюжет. Иов и его бедствия в «Молоте ведьм» упоминаются неоднократно – в первом, втором, третьем, восьмом и двенадцатом вопросах первой части, вступительном вопросе, а также в десятой и пятнадцатой первого вопроса и второй главе второго вопроса второй части трактата. В большинстве приведенных случаев Якоб Шпренгер и Генрих Инститорис демонстрируют приверженность традиционному способу аргументации и приводят то или иное место из книги Иова в качестве подтверждения собственных тезисов. Вместе с тем во втором вопросе первой части «Молота ведьм» присутствует рефлексивная составляющая, которая позволяет интерпретировать данный текст как значимую хронологическую веху. Как и Ульрих Молитор, авторы *Malleus Maleficarum* в начале своих рассуждений уделяют пристальное внимание обстоятельствам причинения вреда, но, при этом, признают, что вред наносится самим демоном без помощи ведьм (*demon per se absque*

³⁹ Латинский текст: *Item lib. Iob c. 1. legitur, quod diabolo procurante ventus vehemens irruit a regione deferti: & concussit quatuor angulos domus que corruens oppreßit liberos Iob, & mortui sunt. Ecce quod diabolus potestate sua aerem prouocauit, puerosque oppreßit. Dicitur etiam eodem libro, diabolum fulmina ignis prouocasse (Molitoris, Ulrichus. 1489).* Немецкий текст: *So findt [findet] man auch in dem büch Job gefriben. das durch arbeit des teüfels [tüffels] ain herter wind auß der wülte [wüftin] ift gefallen [geuallen] vnd hat erknüßt die vier eckg [wend] des hauß das also nider gefallen ift vnd die kinder iobs zû tod erflagen hat. Da mag man ab nemen das der teüffel [tüfel] gewalt hat gehabt. der lufft vnd wind zû bewegen wann der text sagt auch also. es ift das feür von himel geuallen vnnd hat die schaff vnnd kind verbrant (Molitoris, Ulrich. 1508)*

maleficis concurrente)⁴⁰. Далее «Молот ведьм» дает объяснение этому обстоятельству: «...Иов пострадал от одного дьявола без посредства колдуна или колдуньи, поскольку этот род суеверий еще не был распространен»⁴¹. Эта интерпретация отчетливо указывает на то своеобразное понимание истории, о котором мы писали ранее: ветхозаветная ситуация рассматривается как хронологическая веха, демонстрирующая отличие *modernis temporibus*, нынешних времен.

Интерпретация бедствий Иова в интересующих нас трактатах задает историческую перспективу повествования, позволяя соотнести актуальный материал с библейскими реалиями. Вместе с тем определенный парадокс заключается в том, что доминиканцы, неоднократно заявлявшие о себе на страницах «Молота ведьм» как о ревнителях традиции, демонстрируют динамическое понимание исторического процесса, тогда как блиставший гуманистической эрудицией светский юрист оказывается приверженцем более консервативного понимания.

Не менее значимым элементом теоретических построений демонологии, бесспорно, является полемика вокруг канона *Episcopi*. В данном случае мы сталкиваемся

⁴⁰ *Preterea, ex scripturis nocumenta Job illata, vbi ignis de celis [coelo] cecidit et familiam cum gregibus pecorum vno impetu consumpsit et turbo domum deiiciens liberos occidit, demon per se absque maleficis concurrente tantummodo diuina permissione operatus est: ergo a simili in alijs que maleficis ascribuntur. (Henricus Institoris O. P. and Jacobus Sprenger O. P. 2006, 230).*

⁴¹ *Si quis vero curiosus instaret, sicut plerunque hec materia curiosas patitur a maleficarum defensoribus instantias, semper in cortice verborum aerem verberantes et medullam veritatis nunquam penetrantes, cur Job non maleficali effectum per demonem sicut noxiali percussus fuit, his curiose etiam responderi potest, quod Job fuit percussus a diabolo solum et non mediante malefico vel malefica, quia hoc genus superstitionis vel nondum erat inuentum, diuina tamen prouidentia voluit vt potestas demonis mundo ad precauendum eius insidias pro dei gloria innotesceret, cum nihil nisi a Deo permissus, efficere potest. (Ibid., 234).*

с весьма распространенным приемом средневековой интеллектуальной культуры, который заключался в постепенном уточнении смысла мнения того или иного авторитета, при видимой демонстрации почтительного отношения к нему. Это обстоятельство позволило целому ряду историков сделать вывод о том, что авторы *Malleus Maleficarum*, используя средневековые тексты о ведьмах (прежде всего так называемый канон *Episcopi* и покаянные книги, интерпретировавшие магические практики иначе, чем этого требовала концепция «Молота ведьм»), радикально изменили их смысл, что послужило оправданием и отправной точкой для Охоты на ведьм⁴².

Однако, полемику вокруг канона *Episcopi*, следы которой присутствуют в сочинении Шпренгера и Инстинториса, по нашему мнению невозможно однозначно охарактеризовать как простое искажение ранее существовавшей традиции в силу весьма специфического отношения средневековых авторов к авторитетам. Скорее, речь идет о преодолении «неудобного» текста посредством его соотнесения с личными наблюдениями авторов «Молота ведьм». Именно с этой целью в трактат и был введен специфический вид свидетельств – *experientia*. «И та, в городе Брейзахе, спрошенная нами, могут ли они воображаемо и иллюзорно, либо же телесно (ведьмы – *Г.Б.*) переноситься, ответила, что [могут переноситься] обоими способами (*et illa in oppido Brisiaco interrogata a nobis an ne fantastice et illusorie aut corporaliter possent transferri, respondit quod utroque modo*)». Значение этого отрывка трудно переоценить, поскольку здесь *moderna malefica* лично сообщала, что современные ей ведьмы обладают способностями, неизвестными во времена составления канона *Episcopi*. Причем она не отрицала положений этого документа, но уточняла их, внося неизвестные ранее подробности: если по какой-либо причине ведьма не желает переноситься телесно,

⁴² Гуревич А. Я. 2006, 119, ср.: Рассел Дж. Б. 2001а, 297; Trevor-Roper H. 2001, 84-85; Behringer W. 2007, 69.

появляется потребность в перемещении *fantastice et illusorie*⁴³. Этот пример позволяет нам оценить некоторые тонкости интеллектуального инструментария авторов *Malleus Maleficarum*. Своеобразная «логика первооткрывателя» позволяла Якобу Шпренгеру и Генриху Инститорису на материале *experientia* активно полемизировать со скептиками, отрицавшими реальность эффекта злонамеренного колдовства. «Пример» «ведьмы из Брейзаха» помогал авторам «Молота ведьм» апеллировать к «здравому смыслу канона» (*ad sanum intellectum Canonis*⁴⁴) с тем, чтобы уточнить его, заручившись ссылкой на его авторитет. Это заставляет нас обратиться к тезису П. Зюмтора о том, что механизм функционирования средневекового художественного текста всегда предполагал отсылку к некоему *auctoritas*, иногда входящему в него в форме цитаты, аутентичность которой (по современным меркам) порой сомнительна⁴⁵.

Весьма показательна позиция Ульриха Молитора в отношении этого документа. Дважды положения канона озвучивает персонаж Сигизмунда Габсбурга – в третьей (относительно возможности физических превращений)⁴⁶

⁴³ Si enim casu aliquo nollent corporaliter transferri, scire tamen velent omnia que in con]tione illa ab earum consodalibus agerentur, tunc talis ab eis seruaretur modus, vt illa in nomine omnium diabolorum ad latus sinistrum se reponeret ad cubitum, extunc quasi vapor quidam glaucus ex eius ore procederet, vnde singula que ibi agerentur, perlucide consideraret. Si vero corporaliter transferri vellet, modum supra dictum seruare necesse esset» (*Henricus Institoris O. P. and Jacobus Sprenger O., P* 2006, 408).

⁴⁴ Стереотипная формулировка «здравый смысл канона» используется неоднократно на протяжении текста первого вопроса первой «Молота ведьм» с тем, чтобы уличить оппонентов в невежестве. (*Ibid.*, 221-224).

⁴⁵ Зюмтор П. 2003, 33.

⁴⁶ Латинский текст: Dicitur enim in decreto in ca. episcopi. xxvi. q. v. vbi inquit textus. quilibet ergo credit posse fieri. aliquam creaturam. aut in melius aut in deterius imutari. aut transformari. posse in aliquam speciem aut aliquam similitudinem. nisi ab ipso creatore qui omnia

и четвертой (о ночных скачках с Дианой, Иродиадой и «бесчисленным множеством женщин»)⁴⁷ главах тракта-

fecit & per quem omnia facta sunt. infidelis est & pagano deterior. hec textus (*Molitoris, Ulricus.* 1489). Немецкий текст: wann man liß [lißet] in dem [im] decret in capitulo episcopi xxvi. q. v. also welher glaubt müglich zu sein aincherlay creatur in besser oder bößer gestalt verwandlen oder zu verkeren anders dann von got dem schopffer der alle ding geschaffen hat vnnd durch den alle ding gemacht find der selb ist bößer dann ain haid. oder vnglaubeger (*Molitoris, Ulrich.* 1508).

⁴⁷ Латинский текст: **SIGISMVNDVS.** Nonne ait Canon in ca. epi. xxvi. q. v. vbi textus Jllud etiam non omittendum est quod quedam mulieres scelerate retro post fathanam conuerse demonum illufionibus & fantafmatibus seducte credunt se & profitentur cum dyana nocturnis horis dea paganorum & cum herodiade. & innumera multitudine mulierum equitare super quasdam bestias & multa terrarum spacia intempeste noctis silentio pertransire eiufufionibus obedire. veluti domine & certis noctibus ad eius seruitium euocari. Sed vtinam he sole in perfidia periiffent et non multas secum ad infidelitatis interitum prouocassent. Nam innumera multitudo hac falsa opinione decepta, vera hec esse credit. & credendo a recta fide deuia errore paganorum inuoluitur. **CONRADVS** Si itaque iuxta verba canonis opinione decipiuntur. vnde igitur prouenit. quod ipse mulieres ex alijs ciuitatibus homines noscunt. quos etiam conuiuio interfuisse asserunt & iudicia cognitionis sue ostendunt. quos tamen prius nunquam viderunt. neque in huiusmodi ciuitatibus cum talibus prius conuersate fuerunt? (*Molitoris, Ulricus.* 1489). Немецкий текст: **Sigmundus.** Spricht aber nit der text in capitulo episcopi. xxvi.q.v. also diß sol auch nit verschwigen werden. dann das etlich böße weiber die dann hinder sich nach dem tewffel [teüffel] kören vnd durch sein betrügñuß vnd fantafey verführt werden. also das syglauben vnnd vermainen mit der abgötin Diana vnd Herodiade genent bey nachtilicher zeit mit viel weibern auff etlichen wilden tyeren über weit weg reiten vnd geboten sich gehorsam vnd dienstlich machen. Aber wol zu winfchen war das die selben bößen weiber in irem verhaßten wesen allain verdorben waren. vnnd nit vil ander zû der verderbñuß irs (ires) vnglaubens zû inberüffeten (inberüfften). wann die menige solicher weiber wirdt durch ir falsche mainung also berrogen damit sy

та. Весьма примечательно, что развернутая реплика государя в третьей главе аккуратно корректируется замечанием от лица Конрада Шатца о том, что он не отрицает положения канона, но желает привести в беседе то, что помнит из прочитанного в «историографии» (*Canoni namque aduerfari non intendo. Sed que apud hiftoriographos me legiffe memini recitare cupio*)⁴⁸. Не менее примечательным нам представляется то обстоятельство, что в девятой главе персонажи меняются ролями и положения канона относительно возможности ночных путешествий уже озвучивает Ульрих Молитор, а Сигизмунд Габсбург задает уточняющие вопросы⁴⁹. Эта «рокировка» наиболее

(fi) gelaubt (glaubt) folliches (folichs) war zů fein – vnnd also vonn dem rechten glauben vallet vnnd fñch mitt der irrung der haiden verflickt **CONRADVS**. Seidmals nach den worten difes capitels die weiber werden betrogen. Wann kůmpt (kompt) es dann. das die (dye) weiber ander menschen auß ander steten vnd landen erkennen die sy dann mainen bey ynen (bei inen) in irer (ir) wollust gewesen fein. vnd auch vmbstend der erkantnuß erzygen doch in folichen landen vnd stetten vormals nitt gewesen fein (*Molitoris, Ulrich. 1508*).

⁴⁸ *Molitoris, Ulrichus. 1489*. Стоит обратить внимание, что эта часть реплики в немецком тексте опущена.

⁴⁹ Латинский текст: **VLRICVS**. Superius iam audifti [audiui] exempla. vnde sepius credit homo se esse in alio loco vbi non est. ergo bene dicit textus in ca. ep. xxvi q. v. vbi ait. Illud etiam non est omittendum quod quedam scelerate mulieres retro post sathanam conuerse. demonum illusionibus & fantasmatibus seducte. credunt se profitentur cum diana nocturnis horis dea paganorum. vel cum herodiade & innumera multitudine mulierum equitare super quasdam bestias & multarum terrarum spacia in tempeste [tempestate] noctis silentio pertranfire. vel eius iussionibus obedire. velut domine. & certis noctibus ad eius seruitium euocari. Sed vtinam hec sole in perfidia sue periissent. & non multos ad infidelitatis interitum pertraxissent. Nam & innumera multitudo hac falsa opinione decepta vera esse credit. & credendo a recta fide deuiat. hec textus. **SIGISM[VNDVS]**. Nonne ceteri homines possunt equitare & ambulare de loco ad locum tam de nocte qua de die? Quid igitur ipsis talibus mulieribus obstat (*Molitoris, Ulrichus. 1489*). Немецкий текст: **Vlricus** So vil ist daraů zů nemen das

убедительным образом свидетельствует об условности диалога, используемого исключительно для оформления теоретических построений автора трактата. В данном случае авторитет канона выступает необходимым ориентиром (главным образом в силу того, что его нельзя попросту игнорировать) для правильного обсуждения поставленной проблемы, однако книжная эрудиция допускает его постепенное и последовательное уточнение. В этом отношении, по существу, позиция Ульриха Молитора мало отличалась от той, которой придерживались авторы «Молота ведьм» — вслед за канонем Episcopi отрицающая реальность подобных полетов и превращений, он находит казнь ведьм вполне обоснованной мерой, допуская, что подобные иллюзии происходят от извращенной еретической веры. Автор *De laniis et Phitonicis Mulieribus*, обильно цитируя канон Episcopi и в целом разделяя его скепсис в отношении реальности злонамеренного колдовства, вполне однозначно высказывается за вынесение смертного приговора подозреваемым в данном преступлении.

Подведем некоторые итоги. Оба текста в своей предметной области рассматривают обозримый промежу-

offt ain menſch an ainem end vns ſein bedunckett [bedunckt]. vnnd doch nur ain gailt in ſeinem gefalt da ift. Vnnd darumb ſagt wol der text in capitulo epifcopi. xxvi. q. v. alfo. Diß ift auch nit zü verhaldden [verhalten] dan das ettliche böße wiber die ſich dann hinderſich keren [kerent]. vnd ſathan dem tewffel [teüffel] ſich ergeben. vnnd ſeiner betriegnus vnnd fantaſey glauben. vnnd alfo verfüret [verfüret] werden. vnd damit mainen fy faren mit der haydnifchen [haidifchen] abgöttin Diana [dyana] vnnd Herodiade genannt. vnd mit vilandern weibern nachtlicher zeit. vnd reiten auff thyeren [tüeren] in der ſtile nacht durch vil wegs des erdtlichs. vnd dienen iren geboten . als dienerin [ir gebot als die dieniterinen] iren frauwen [frawen]. Aber wölte gottſpricht der text. das die ſelben weiber [weyber] allain in ir bößhait verdurben. vnnd nitt andere weiber zü ſolichen vngelauben auch verfürtten. wann ain vnzalliche menge wirt alfo durch ir falſche maynung verfürt vnd betrogen. damitt fy vonn dem rechten glauben weichen. **Sigmundus.** Nun mügen doch die menſchen auff den thyeren reiten es ſeien roß eſel kemeltyer ochſſen anders (*Molitoris, Ulrich.* 1508).

ток времени и демонстрируют свой интерес самым недвусмысленным образом, поскольку именно относительно малой давностью прецедентов обуславливается актуальность проблемы злонамеренного колдовства. Вместе с тем для описания этого феномена и *Malleus Maleficarum*, и *De Laniis et Phitonicis Mulieribus* задействуют обширный интеллектуальный инструментарий, подразумевающий обращения как к событиям недавнего прошлого, так и к более отдаленным во времени реалиям. В рамках каждого из текстов все элементы оказываются интегрированными в единый смыслообразующий механизм, посредством которого неисторические сочинения используют прошлое как структурный элемент собственного повествования.

Литература

- Баткин Л.М.* 1976: Итальянский гуманистический диалог XV века: Выражение стиля мышления в структуре жанра // Из истории культуры средних веков и Возрождения. М.
- Гене Б.* 2002: История и историческая культура средневекового Запада. М.
- Гинзбург К.* Опыт истории культуры: философ и ведьмы // Споры о главном / Ю.Л. Бессмертный (ред.). М., 29-40.
- Гуревич А.Я.* 1999а: Категории средневековой культуры // Его же. Избранные труды. М.; СПб. Т. 2. Средневековый мир, 17-260.
- Гуревич А.Я.* 1999б: Средневековый мир: Культура безмолвствующего большинства // Его же. Избранные труды. М.; СПб. Т. 2. Средневековый мир, 263-547.
- Гуревич А. Я.* 2006: Проблемы средневековой народной культуры // Его же. Избранные труды: культура средневековой Европы. СПб., 15-286.
- Зюмтор П.* 2003. Опыт построения средневековой поэтики. СПб.
- Ле Гофф Ж.* 2001: Средневековый мир воображаемого. М.,
- Рассел Дж. Б.* 2001а: Колдовство и ведьмы в Средние века. СПб.
- Рассел Дж. Б.* 2001б: Сатана. Восприятие зла в ранней христианской традиции. СПб.
- Шмитт Ж.К.* 2010: Exemplа и время // Одиссей. Человек в истории. 2009. М., 299-315.

Behringer W. 1997: *Witchcraft Persecutions in Bavaria: Popular magic, religious zealotry and reason of state in early modern Europe.* Cambridge.

Behringer W. 2007: *Witches and Witch-Hunt. A Global History.* Oxford.

Broedel H. P. 2013: *Fifteenth-Century Witch Beliefs // The Oxford Handbook of Witchcraft in Early Modern Europe and Colonial America.* Oxford / B.P. Levack (ed.), 32-49.

Clark S. 2005: *Thinking with Demons: The Idea of Witchcraft in Early Modern Europe.* Oxford.

Decker R. 2008: *Witchcraft & the Papacy: An account drawing on the formerly secret records of the Roman Inquisition.* Charlottesville & London.

Henricus Institoris O. P. and Jacobus Sprenger O. P. 2006: *Malleus Maleficarum.* / Mackay C. S. (Ed. and tr.). Cambridge, Vol. I. The Latin Text and Introduction.

Institoris, H. 1580: *Malleus Maleficarum in Tres Divisus Partes, In quibus Concurrentia ad maleficia, Maleficiorum effectus, Remedia adversus maleficia, Et modus denique procedendi, ac puniendi Maleficos abunde continentur, præcipue autem omnibus Inquisitoribus, et diuini verbi Concionatoribus utilis, ac necessarius.* Auctore Iacobo Sprengero Ordinis Prædicatorum, olim Inquisitore. His nunc primum adiecimus, M. Bernhadi Basin opusculum de artibus magicis, ac Magorum, maleficijs. Item. D. Vlrici Molitoris Constantiensis, de Lamijs et Pythonicis mulieribus Dialogum. Item. D. Ioannis de Gerson. Olim Cancellarij Parisi[...], de probatione Spirituum, libellum. Item. D. Thomæ Murner ordinis Minorum, libellum, de Pythonico contractu. Omnia. Frankfurt am Main: apud Nicolaum Bassaeum, 1580 URL: <http://ebooks.library.cornell.edu/cgi/t/text/text-idx?c=witch;cc=witch;view=toc;subview=short;idno=wit060>

(1.04.2014).

Maxwell-Stuart P. G. 2007: *The contemporary historical debate, 1400 – 1750 // Palgrave advances in witchcraft historiography/ J. Barry, O. Davis (ed.).* New York, 11-32.

Molitoris, Ulricus. 1489: *De lanijs et phitonicis mulieribus Teutonice vnholden vel hexen.* Reutlingen. URL: <http://diglib.hab.de/wdb.php?dir=inkunabeln/179-2-quod-2>

(1.04.2014).

Molitoris, Ulrich. 1508: *Von den unholden oder hexen. Tractatus von den bösen weiben die man nen[n]et die hexen etc.* Augspurg. URL: <http://dfg-viewer.de/show/?set%5Bmets%5D=http%3A%2F%2Fdaten.digital-e->

sammlungen.de%2F~db%2Fmets%2Fbsb00012386_mets.xml

(1.04.2014).

Tengler, Ulrich, d. ca. 1511. Der neu Layenspiegel von rechtmässigen ordnungen in Burgerlichen vnd peinlichn Regimenten. Mit Additon. Auch der guldin Bulla / Königlich reformaton landfriden. auch bewärung gemainer rech vn anderm antzaßigen. Qum priuilegio - neqs audeat hoc opus intra tempus determinatum impumere sub pena in copromulganda. Ausburg; durch Johannem Knobloch, am letsten tag Augusti, URL: <http://ebooks.library.cornell.edu/cgi/t/text/text-idx?c=witch;cc=witch;view=toc;subview=short;idno=wit090>

(1.04.2014).

Trevor-Roper H. 2001: The Crisis of the Seventeenth Century. Indianapolis.

Visconti, Girolamo. 1490: Magistri Hyeronimi Vicecomitis Lamiarum siue striarum opusculum ad illustrissimum Mediolani ducem Franciscum Sfortiam Vicecomitem incipit feliciter. Milan. URL: <http://ebooks.library.cornell.edu/cgi/t/text/text-idx?c=witch;cc=witch;view=toc;subview=short;idno=wit101>

(1.04.2014).

Wilson E. 1996: Institoris at Innsbruck: Heinrich Institoris, the Summis Desiderantes and the Brixen Witch-Trial of 1485 // Popular Religion in Germany and Central Europe, 1400-1800/ Scribner R., Johnson T.(ed.). New York, 87-100.